

тивъ, вслѣдствіе этого порядка въ величайшемъ презрѣніи, они то для поддержанія этого невыгоднаго для нихъ порядка, сами своими руками вырываютъ людей изъ семей, влжущіе ихъ, запирающіе ихъ въ тюрьмы, каторги, стережущіе, стрѣляющіе ихъ, — зачѣмъ они это дѣлаютъ?

Что заставляетъ этихъ людей вѣрить въ то, что существующій порядокъ неизмѣненъ и что должно поддерживать его?

Вѣдь всякое насиліе зиждется только на нихъ, на этихъ людяхъ, которые своими руками бьютъ, вяжутъ, запираютъ, убиваютъ. Вѣдь, если бы не было этихъ людей — солдатъ или полицейскихъ, вообще вооруженныхъ, готовыхъ по приказанію насилловать, убивать всѣхъ тѣхъ, кого имъ велятъ, ни одинъ изъ тѣхъ людей, которые подписываютъ приговоры казней, вѣчныхъ заключеній, каторгъ, никогда не рѣшился бы самъ повѣсить, запереть, замучать одну тысячную часть тѣхъ, которыхъ онъ теперь спокойно, сидя въ кабинетѣ, распоряжается вѣшать и всячески мучать только потому, что онъ этого не видитъ, а дѣлаетъ это не онъ, а гдѣ то, вдалекѣ, покорные исполнители.

Вѣдь, всѣ тѣ несправедливости и жестокости, вошедшія въ обычай существующей жизни, вошли въ обычай только потому, что есть эти люди, всегда готовые поддерживать эти несправедливости и жестокости. Вѣдь, если бы не было этихъ людей, то не только некому было бы насилловать всѣ эти огромныя массы насилуемыхъ людей, но распоряжающіеся никогда и не рѣшились бы не только предписывать, но не смѣли бы и мечтать о томъ, что они теперь съ увѣренностью предписываютъ. Вѣдь, если бы не было этихъ людей, готовыхъ по волѣ тѣхъ, кому они подчиняются, истязать, убивать того, кого велятъ, никто никогда не рѣшился-бы утверждать то, что съ увѣренностью утверждаютъ всѣ неработающіе землевладѣльцы, а именно, что земля, окружающая мрущихъ отъ безземелья крестьянъ, есть собственность челоука, не работающаго на ней, и, что мошеннически собранные хлѣбные запасы должны храниться въ цѣлости среди умирающаго съ голода населенія, потому что кушукъ нужны барыши и т. п. Не будь этихъ людей, готовыхъ по волѣ начальства истязать и убивать всякаго, кого велятъ, не могло бы никогда придти въ голову помѣщику опять у мужиковъ лѣсъ, ими вырощенный, и чиновникамъ считать законнымъ получение своихъ жалованій, собираемыхъ съ голоднаго народа, за то, что они угнетаютъ его, не говоря уже о томъ, чтобы казнить, или запираеть, или изгонять людей за то, что они опровергаютъ ложь и проповѣдуютъ истину. Вѣдь, все это требуется и дѣлается только потому, что всѣ эти начальствующіе люди несомнѣнно увѣрены, что у нихъ всегда

подъ руками покорные люди, готовые прівести всякія ихъ требованія въ исполненіе посредствомъ истязаній и убійствъ.

Вѣдь, только отъ того совершаются такія дѣла, какъ тѣ, которые дѣлали всѣ тираны отъ Наполеона до послѣдняго рогнаго мандира, стрѣляющаго въ толпу, что ихъ одуряетъ стоящая за ними власть изъ покорныхъ людей, готовыхъ исполнять все, что имъ прикажутъ. Вся сила, стало быть, въ людяхъ, исполняющихъ своими руками дѣла насилія, въ людяхъ, служащихъ въ полиціи, въ солдатахъ, преимущественно въ солдатахъ, потому что полиція только тогда совершаетъ свои дѣла, когда за нею стоятъ войска.

Такъ что же привело этихъ то, немѣющихся отъ этого никакой выгоды, принужденныхъ своими руками дѣлать всѣ эти страшныя дѣла, — добрыхъ людей, отъ которыхъ зависитъ все дѣло, что привело этихъ добрыхъ людей въ то удивительное заблужденіе, при которомъ они увѣрились, что существующій невыгодный, губительный и мучительный для нихъ порядокъ и есть тотъ самый порядокъ, который и долженъ существовать?

Кто ввелъ ихъ въ это удивительное заблужденіе?

Не сами же они увѣрили себя въ томъ, что имъ нужно дѣлать то, что не только мучительно, невыгодно и губительно для нихъ и для всего ихъ сословія, составляющаго 0,9 всего населенія, но и прогпно ихъ совѣсти.

Какъ же ты будешь убивать людей, когда въ законѣ Божьемъ сказано: не убій?—много разъ спрашивалъ я у различныхъ солдатъ и всегда приводилъ этимъ вопрошаемаго, напоминая ему то, о чемъ онъ хотѣлъ бы не думать, въ неловкое и смущенное положеніе. Онъ знаетъ, что есть обязательный законъ Бога: не убій, и знаетъ, что есть обязательная военная служба, но никогда не думалъ, что тутъ есть прогворбіе. Смыслъ робкихъ отвѣтовъ, которые я получалъ на этотъ вопросъ, состоялъ всегда приблизительно въ томъ, что убійство на войнѣ и казнь преступниковъ по распоряженію правительства не включается въ общее запрещеніе убійствъ. Но когда я говорилъ, что такого ограниченія не сдѣлано въ Божьемъ законѣ и упоминалъ объ обязательномъ для всѣхъ христіанскомъ ученіи братства, прощенія обидъ, любви, которая никакъ не могли согласоваться съ убійствомъ, люди изъ народа обыкновенно соглашались, но уже съ своей стороны задавали мнѣ вопросъ: какимъ же образомъ дѣлается то, спрашивали они, что правительство, которое, по ихъ понятіямъ, не можетъ ошибаться, распоряжается, когда нужно, войсками, посылая ихъ на войну, и казнями преступниковъ? Когда же я отвѣчалъ на это, что правительство, распоряжаясь